

БИБЛИОГРАФ РЕКОМЕНДУЕТ

Уважаемые друзья!

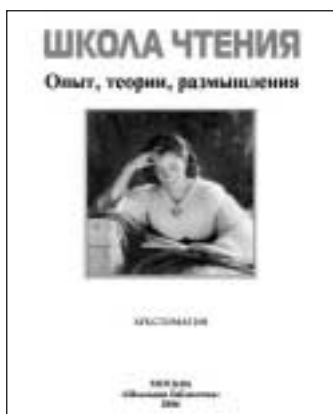
В нашем издательстве вышла книга И.И. Тихомировой, известного специалиста по психологии и педагогике чтения. Это хрестоматия, названная составителем «ШКОЛА ЧТЕНИЯ: Опыт, теории, размышления». О целях, задачах этого собрания рассказов о том, как книга и чтение завоевывали сердца теперь известных в мире и Отечестве людей, рассказывает сегодня сама Ирина Ивановна, так как мы предлагаем вашему вниманию ее предисловие к своему труду и одну из главок книги, посвященную Виктору Розову.

И.И. ТИХОМИРОВА,
Санкт-Петербургский университет культуры
и искусств

«Школа чтения»

Извлечения из хрестоматии

«Читать — это еще ничего не значит: что читать и как понимать читаемое — вот в чем главное дело».

К.УШИНСКИЙ

«Прочесть как следует произведение... вовсе не безделица, для этого нужно разделить искренне с поэтом высокое ощущение, наполнявшее его душу; нужно душой и сердцем почувствовать всякое слово его...».

Н.ГОГОЛЬ

«Добрые люди не знают, сколько времени и усилий стоило иному, чтобы научиться читать. Я потратил на это восемьдесят лет и еще сейчас не могу сказать, что достиг цели».

И.ГЁТЕ

Знаки духовного пути

«Думаю, обращение “Российской газеты” с таким многозначительным названием “Скажи, что ты читаешь, и я скажу, какой будет Россия!” — ждет забвение. И знаете почему? Вопрос, поставленный газетой, опоздал лет этак на 7–10. Теперь нужно говорить, не какой будет, а какой уже стала нечитающая

Россия — невежественной, безнравственной, криминальной».

Мих. Ненашев

(Из открытого письма Министру культуры)

Вывод напрашивается сам собой: спасение России — в чтении. Но как нечитающую ныне на-

цию превратить в читающую? В читающую не для выполнения школьных заданий, и не для увеселения, и не для разгадывания кроссвордов (в этой функции половина населения страны еще использует книгу), а для того, чтобы остаться человеком и получить страховку от деградации себя, детей, внуков и страны в целом. Иосиф Бродский в своей Нобелевской лекции, прочитанной в 1987 году, когда тенденция к культурной катастрофе России лишь намечалась, назвал нечтение наиболее тяжким преступлением не столько против книги, сколько против самих себя. «За преступление это, — сказал он, — человек расплачивается всей жизнью; если же преступление это совершает нация — она платит за это своей историей».

Среди причин «наиболее тяжкого преступления» одну я вижу ясно: забвение национальных духовных традиций, чем и была сильна Россия, служившая маяком для многих просвещенных стран. Главную роль в этой духовности играла великая русская литература. Она была своего рода Библией, национальным архетипом, личным способом бытия. Она формировала через читателя самую жизнь, самого человека.

Особенно большое значение она имела для развития души ребенка. Она оставляла там свои заметины, программирующие отношение к человеку и к миру в целом. «Детским чтением для сердца и разума» назвал свой первый журнал для детей Николай Новиков, созданный еще в XVIII веке. От того, как разовьется сердце и разум ребенка, зависела вся его последующая жизнь. «То, что знаешь в детстве, — писала Марина Цветаева, — знаешь на всю жизнь и что не знаешь — не знаешь на всю жизнь». Этот феномен детской памяти объясняется тем, что ребенок отдается своим впечатлениям и переживаниям непосредственно, без оглядки на авторитеты, без тех умственных наслоений, какие возникают у человека с возрастом.

Именно от великой литературы, способной рождать в читателе презрение ко всему низкому и подлому и уважение к честному и высокому, нынешнее поколение и отвернулось, признав ее за «отстой» и «занудство». Отвернулись от нее издательства, отвращение к ней сформировала школа, библиотеки задвинули ее в запасники, родители заменили ширпотребом. Самый большой урон от этого понесли дети. Если бы дано им было осознать этот урон, они давно бы уже кричали СОС. К сожалению, они не понимают, как и не понимают многие взрослые: от того, что сегодня читают или

не читают наши дети действительно зависит их жизнь, их поведение, их нравственный облик, характер и судьба. А вместе с этим и судьба России.

Кризис чтения, приведший к нравственной деформации общества, и побудили меня обратиться к прошлому, составить свод воспоминаний людей XIX—XX веков о своем детском чтении, из родника которого человек пьет живую силу всю жизнь. Пусть не пугает вас название Хрестоматии. Это не школьный урок и не технология азбучного складывания из слов предложений. Да и само чтение здесь — не самоцель, а лишь эмоционально влекущее к себе средство очеловечивания человека с первых лет жизни. Язык воспоминаний, язык конкретных примеров, язык читательских

И. Бродский

портретов людей — цвета нашей нации — это не язык назиданий. Это язык откровений. Сопротивляться ему трудно. Он подчиняет себе даже холодное сердце. Он заражает желанием подняться до высокого духовного опыта — перечитать самые влиятельные книги детства, углубиться в свою собственную читательскую автобиографию, вспомнить счастливые минуты единения с книгой, семейные радости вокруг нее. Он вызывает желание общаться с другими, найти единомышленников в своих размышлениях по поводу прочитанного, какие, например, искала

и находила Вера Федоровна Панова среди любителей поэзии. Я горячо верю в силу чтения, в ее духовную составляющую, и надеюсь, что в этой вере я не одинока. Если мы хотим возродить культурное величие России, нам надо обратиться к своим корням. Следуя мысли Дмитрия Лихачева: «Каждый культурный подъем связан с обращением к прошлому», я и составляла «Школу чтения», которую вы, уважаемый читатель, держите сейчас в руках. О чтении как исконно облагораживающей духовной силе идет в ней речь.

Опыт детского и юношеского чтения, отраженный в зеркале автобиографий людей XIX—XX веков, и частично доведенный до наших дней, составляет содержание 1-го — главного раздела книги. Это ценнейший фактический материал, на котором надо учиться и учить других, это «мерило» культуры чтения для сегодняшних детей и та планка высоты, до которой хочется подняться. Отдаленный от нас веками или десятилетиями, чужой опыт чтения заставляет нас задуматься о своем, почувствовать с ним родственную близость, ощутить генетическую связь.

Но детское чтение не оторвано от взрослого. Это специфическая часть единого психологичес-

кого процесса чтения, подпадающего под общие законы взаимодействия человека с книгой. Этим законам, отраженным в работах теоретиков чтения, посвящен 2-й раздел Хрестоматии. Он дает представление о качественных характеристиках полноценного чтения, раскрывает его творческую природу, помогает проникнуть в психологический «механизм» внутреннего мира человека, вызванного к жизни словом писателя. Познание психологических законов чтения — это научная база для постановки педагогических задач и способов их решения.

Я назвала Хрестоматию «Школой чтения» еще и потому, что содержащийся в ней и практический, и теоретический материал в своей совокупности дает читателю целостную картину этого глубочайшего процесса интеллектуального, эмоционального и нравственного развития личности, культурное значение и ценность которого человечеством еще далеко не осознаны. Освоить эту школу особенно важно в наши дни, когда чтение низводится до уровня прикладной деятельности или развлечения, когда значение его нивелируется, когда исключается из него главное звено — его нравственная, гуманная сущность, когда прогнозируется ему скорая смерть.

Назвав Хрестоматию «Школой чтения», я тем самым и обозначила ее конечную цель: воскресить и поддержать в сознании взрослых и детей положительный образ традиционного чтения, поднять его престиж, включить в систему непреходящих жизненных ценностей человека, побудить к читательской саморефлексии.

Для достижения этой цели подбор текстов и вспомогательного материала осуществлялся с таким расчетом, чтобы:

— создать эффект присутствия в среде талантливых читателей, делящихся своим опытом восприятия художественных произведений, дать больше примеров в этом направлении. Сопоставление того, как один талантливо прочитывает созданное другим талантом, увлекает и заражает;

— соотнести этот опыт с теоретическими положениями и размышлениями о сущности чтения. Суждение одного авторитета может быть ошибочным. Совпадение мыслей двоих наводит на размышление. Но когда суждения многих совпадают по смыслу — это позволяет подойти к более глубокому пониманию природы и значения чтения;

— показать самые влиятельные книги XIX—XX веков на детское сознание, определившие жиз-

ненные ценности и программу поведения многих поколений, дать наглядное представление о том, как осуществляется и на чем основывается это влияние;

— дать комментарии к каждому тексту, выделить в них уникальное и универсальное, показать ценность для сегодняшнего дня; системой вопросов организовать и углубить восприятие материала;

— раскрыть процесс восприятия художественной литературы во всем богатстве составляющих его элементов, представить его в виде карты чтения, придать ему таким способом наглядность.

В Хрестоматию включен лишь *отечественный* опыт. В нем читатель найдет своеобразную российскую модель культуры чтения, отличительным признаком которой является ее духовно-нравственное, эмоциональное начало, очерченное спецификой искусства слова.

Раскрывая чтение в разнообразных ракурсах, Хрестоматия одновременно показывает носителей этого чтения — людей, достигших вершин во взаимодействии с книгой. Сотворческий характер их чтения в детстве стал почвой, на которой проросли и развились задатки их художественного таланта, сделавшего из них знаменитых писателей, художников, актеров, меценатов — подлинных сынов Отечества. Все они вышли из детского чтения. В определенном смысле Хрестоматия — это исповедальный памятник детскому чтению, памятник не только того, что было вчера, но и того, что должно быть завтра.

«Школа чтения» адресована мной как взрослым, так и подросткам, как специалистам, так и всем любителям чтения. Каждый, я думаю, найдет в ней свое. Кто-то вспомнит детство, кто-то пожалеет об утраченном, кто-то задумается и схватится за книгу. Тем, кто закладывает основы читательской культуры — библиотекарю, учителю, воспитателю, — книга будет полезна прежде всего как материал для самообразования в области детского чтения и чтения в целом. Ее материалом можно воспользоваться, насыщая им беседы, лекции, диалоги о чтении с взрослыми и детьми. Этот материал поднимет планку профессиональных размышлений о роли книги и чтения в жизни человека, обогатит конкретными фактами. Родителям книга раскроет ценность семейного чтения, покажет какой неизгладимый след в читательской судьбе детей они могут оставить, если сделать привычкой общение вокруг

М. Цветаева

умной книги, какую духовную близость со своим ребенком может дать им совместное чтение и размышление. Что касается подростков, то думающие умники и умницы, ищущие свое призвание и точку для реализации своего интеллектуального потенциала, найдут здесь целый клад образцов и знаков духовного пути. Эти знаки способны окрылить их ум и сердце, создать тот эффект, о котором писал В.Вересаев, говоря о книгах: «Как будто на широких, сильных крыльях я поднимался на воздух и уверенно летел ввысь». В надежде на подъем ввысь каждого читателя я и составляла свою Хрестоматию.

Предвижу вопрос: почему в Хрестоматию вошли одни авторы, и не вошли другие. Как известно, объять необъятное невозможно. Я подбирала материал с таким расчетом, чтобы он отвечал поставленным цели и задачам. Безусловно, в отборе материала присутствовал и субъективный элемент. Я включила в книгу те тексты, которые меня как читателя и патриота волнуют, которые будят мою профессиональную мысль, нравственно обогащают и очищают. На этом опыте я сама учусь и надеюсь заразить своим отношением к материалу и ее читателей.

РОЗОВ В.С.

Насыщение книгой // Библиотековедение, 1999, № 6, С. 62—71 (цитируется в сокращении)

«Пронесся нынче какой-то странный слух, что в школе совсем не обязательно преподавать литературу, отнимать на неё время от точных наук, которые, мол, основа основ, а литература — для немногих и пусть преподаётся факультативно. Говорят об этом и готовят подобную реформу те, кто не в состоянии уразуметь, что Книга — самый глубокий источник познания мира и самое сильное воздействие на духовное развитие личности...

Ни опера, ни балет, ни драма — уж не говорю, поганый телевизор, — не могут заменить книгу. Почему? Вот, к примеру, зрители смотрят какую-нибудь картину по классическому произведению, допустим, по «Войне и миру» Толстого, где играют Бондарчук, Савельева, Кторов, Тихонов, актеры милые и даже великолепные; но зритель в этом случае не создает образа, образ преподносится

ему готовым, и он думает: вот такой была Наташа Ростова, таким был князь Андрей, таким — старик Болконский (надо сказать, Кторов играл его изумительно). Но когда ты имеешь дело с первоисточником, с книгой, у тебя нет зрительского восприятия, кроме чёрных буковок, этаких муравьев, бегающих по странице. И ты читаешь этих муравьев и сам создаёшь образ и Наташи Ростовской, и графа Безухова, и Долохова — решительно всех героев романа Толстого. И знаменитый бой воображаешь сам, сцены Бородинского сражения,

В. Вересаев

лично активно участвуешь во всех событиях. Перед тобой нет никаких лиц, никаких декораций, есть только черные буковки, и ты, читая текст, мысленно рисуешь образы, ситуации, отношения героев. Это самое главное — ты не лишён соучастия в событиях, в действиях и порой в таких сильных страстях, которые потрясают всё твоё существо.

Помню себя всегда сентиментальным мальчиком и сентиментальным молодым человеком, потому что я часто и много плакал над книгами, так остро задевали меня некоторые коллизии. Я видел то, что писал автор! Причём мне никто не помогал, всё создавалось моим воображением. И вот лишить читателя, особенно юного, возможности самостоятельно воссоздавать по книге образы, пейзажи, ситуации — значит оглупить, обмельчить личность. Даже если человек видит что-то в театре или в кино, всё это менее значительно для его развития, хотя я, театральным работником, казалось бы, должен утверждать, что театр играет большую роль в жизни каждого из нас, и это действительно так, но, повторяю, ни один вид искусства не заменит книги, в которой только и есть, что беленькие странички и чёрненькие буковки.

Чрезвычайно важно понимать, что книга, как ничто, насыщает душу. И привычное выражение, в которое мы даже порой не вдумываемся, — «Любите книгу, источник знаний» — не случайно. Горький говорил: «Всему, что есть во мне хорошего, я обязан книгам». Думаю, это может сказать любой развитый человек, даже человек великий. Классические авторы прошлого и позапрошлого веков питались теми книгами древности — и философскими, и трагедиями Софокла, Эсхила, Еврипида, — которые мощно развивали их индивидуальность. Хорошо бы помнить об этом тем, кто сегодня лишает людей привычки к чтению, отлучает от чтения, легкомысленно, мимоходом бросая: походи посмотри в кино, посмотри на видео, чего тебе сидеть, трудиться, мусолить два дня

книгу, когда можно за полтора часа всё увидеть на телеэкране, получить готовый стереотип?

Я болезненно переживаю слухи о том, что литературу уберут из школы. Переживаю не за литературу, ей от этого ничего не сделается, она как существовала, так и будет существовать, пока живёт наш мир; я переживаю за тех девчонок и мальчишек, которые не смогут стать сотворцами — они будут беднее, неизмеримо беднее нас, хотя, может быть, и прагматичнее. Может быть! Это ещё не доказано. **Ведь прагматизм — всё-таки не наша стезя, мы славимся своей духовностью, мы плохие прагматики, нас за это ругают и, может быть, поделом ругают, а может быть, и без дела. Что лучше: духовно развитый человек или прагматик?**

Для меня нет вопроса: внутренне богатый, высокодуховный человек гораздо интереснее человека практического.

Вопрос этот очень сложен, он упирается в развитие человеческого общества в целом. Существуют разные пути, по которым шли через дебри истории европейские страны, Америка, наша Россия и, с другой стороны, страны Востока: Китай, Вьетнам, Япония, Индия, Египет... Россия шла своим путём, определившим в человеке главными его нравственные качества. Духовно разносторонняя личность более гармонична и приятна в общении, содержательна, в отличие от человека, скудного духом, хотя и очень богатого материально. У такого и дом загородный, и современная бытовая оснащённость, и фарфор старинный, в антикварной лавке купленный, — он вас чаем напоит из этих драгоценных фарфоровых чашек, но беседовать с ним абсолютно не о чем...

У меня свой склад души, и я его предлагаю другим, потому что я — счастливый человек, а все хотят быть счастливыми. Думаю, что за моим постоянным ощущением радости, счастья стоит прежде всего духовность, внутренняя наполненность, которую можно получить из разных источников: во-первых, из общения с природой и людьми, а во-вторых, если говорить о культуре, то главным образом из книги.

Читать я начал очень маленьким, совсем ребёнком, таскал под мышкой из библиотеки тоненькие книжечки в мягких обложках, нёс, как святыню, зная, что вот сейчас открою эту книжечку и что-то узнаю из неё удивительное. Ну, таких прямых, утилитарных мыслей, что я что-то от этой

книжечки получу, у меня, конечно, не было, просто я был в восторге, предвкушая открытие нового.

Начинал я, как водится, с простеньких детских вещиц, хорошо помню с тех лет небольшую поэмку «Черничный дедка». О чём там шла речь, теперь понятия не имею, но название осталось на всю жизнь, как и строчки из забытого всеми нравоучительного стишка: «Деток добрых баловали, слушали во всем, злых, капризных воровали, чтобы съесть потом...» — из какой-то ранней-ранней детской книжки, о которой теперь никто и слыхом не слыхивал, а я пронёс в памяти через столько лет пусть хотя бы четверостишие из этого стихотворения.

Л. Чарская

Лет в девять долго увлекался повестями Лидии Чарской «Вторая Нина», «Княжна Джаваха», «Нонна-лесовичка», «Записки институтки». Многие названия уже никому ни о чём не говорят, но я в мои девять лет прямо-таки гонялся за книгами Чарской, будучи ребёнком, даже не подростком. Разузнавал, нет ли её книг в библиотеке или у кого-нибудь дома. Сейчас в моей библиотеке есть всего одна Чарская, и то уже стоит как реликвия, читать её я не собираюсь. Меня в этом авторе привлекали в те давние годы простота и ясность взаимоотношений — это

я сейчас анализирую, а тогда в её книгах мне нравилось всё, главным образом доброта, добро, которые рассыпаны по всем страницам её произведений. Она учила детей добру, и я с глубокой благодарностью вспоминаю Чарскую, забытую всеми, хотя в старую детскую энциклопедию она входила как одна из первых писателей для детей.

Лет, наверное, в двенадцать-тринадцать я перешёл на другую литературу — каким образом, не помню, в доме не было ни одной книги, это считалось слишком роскошным по тем временам — иметь дома собственную библиотеку, тогда это было дорогое удовольствие. Книги были только на половине дяди, Александра Федоровича, книги медицинские, а я был записан во все библиотеки города Костромы, и в детскую, и во взрослую. В дополнение к библиотекам ходил за книгами по знакомым, заранее иногда зная, что вот в этом доме есть томик Чарской, который я ещё не читал. Бывал по этому поводу с визитами у юриста Огородникова, у которого был очень хороший двор, яблоневый сад и злая собака. Самое главное в моих визитах было преодолеть эту злую собаку, не боясь пройти мимо неё: собака, когда её не боятся, не трогает. И вот я, очень маленький,

иду через большой двор-сад Огородникова и говорю ему: я принёс и возвращаю вам эту книжку, а вы, может быть, дадите ещё что-нибудь почитать?.. И таким способом я тоже добывал книги для прочтения, а позже, уже в школе, в четвертом-пятом классе, познакомился с мальчиком, живущим напротив нашего дома, Кириллом Воскресенским, который стал моим близким товарищем; его отец был преподавателем литературы, и у них имелась довольно большая этажерка, уставленная книгами, в том числе Достоевским. Тут-то я и прикоснулся к таким высотам! Мне было уже лет пятнадцать-шестнадцать, и Достоевский меня так ошеломлял, что в память врезался летний солнечный день, я сижу над книгой, держу её в руках, как драгоценность, потому что, во-первых, чужая книга, во-вторых — красивая, издательства Маркса, в переплёте, тиснённом золотом. И вот, дочитывая какое-то место, которое меня ах как захватывает, я кладу книгу так, чтобы не закрылась страница, и прыгаю по комнате от восторга...

Как явственно я это помню, неизъяснимый восторг, от которого не мог усидеть на месте. Честно признаюсь, что тогда я не прочёл главы о старце Зосиме, это мне было трудно и я их пропускал, но поэму о Великом Инквизиторе, как её назвал Иван Карамазов, я тогда прочёл, хотя и не очень понял эту притчу. Я и сейчас, к сожалению, не очень её понимаю, хотя перечитывал сто раз, пытался даже сделать инсценировку Великого Инквизитора — ничего не вышло, бумаги измарал много, но не получилось. Удалась мне инсценировка Алёша Карамазов — Илюшечка — Коля Красоткин, называлась она «Мальчики», шла в Театре на Малой Бронной. Ставил покойный Эфрос с Олей Яковлевой, изумительной Лизой Хохлаковой. Ай-яй-яй, какой был спектакль! Как он действовал на зрителей, на всех людей! Невероятно... Делая эту работу, — а справился я с ней очень быстро, потому что она готовилась к юбилею Достоевского, — я, можно сказать, почти не заглядывал в книгу, писал по памяти, слово в слово, получая громадное удовольствие: всё было заложено тогда, в детстве, в отрочестве.

Не все понимают и принимают Достоевского, автора очень сложного, но я его ощущаю нутром, хотя в каких-то эпизодах он моему пониманию не поддается. Хотел я, например, сделать инсценировку о Смердякове, фигуре очень интересной, страдательной. Он ведь тоже Карамазов, брат Ивана, Дмитрия и Алексея, — как те сводные братья, так и он сводный, но лакей, «Валаамова ослица», как презрительно именуется Фёдор Павлович своего собственного сына. И мне хотелось в инсценировке как бы оправдать ненависть к жизни, которую испытывает Смердяков; в конце концов

он и удавился, ненавидя эту жизнь! Я хотел написать, что загнали его родной батюшка и родные братья, но у меня опять-таки не очень получилось, и я отложил это в сторону — хотя и написал инсценировку, но никому не показывал...

Я пропустил целый отрезок жизни, когда в двенадцать-тринадцать лет увлекался самой низкопробной литературой: Натом Пинкертоном, Ником Картером, Шерлоком Холмсом. Это были маленькие брошюры, отдельные выпуски в мягких обложках, дешёвенькие — один выпуск в тридцать две страницы, а другой, по-моему, в сорок страниц. Там на обложке обязательно кто-то замахивается ножом, кому-то вспарывает живот или перерезает горло; всё это в красках, и стоил один выпуск пять копеек. Прошёл я и через это увлечение, весьма пылко воспринимая подобный жанр.

Спустя много лет в журнале «Юность», который возглавил Валентин Петрович Катаев, пригласивший меня туда членом редколлегии, — давным-давно это было! — встал вопрос: печатать или не печатать повесть Аркадия Адамова «Дело пёстрых». Считалось, что детектив — это что-то презренное, что советского детектива как такового нет и быть не может. А я как раз был одним из тех, кто поддерживал идею публикации «Дела пёстрых», говоря о том, что такая простая, наивная остросюжетная история заставляет твоё воображение — имея в виду, конечно, воображение подростка, юноши — находиться в «пламенеющем» состоянии. Поэтому с подобного жанра перескочить на Герберта Уэллса, на Беляева ничего не стоит, а в юности и Герберт Уэллс, и Беляев тоже были моими писателями, моё воображение от них тоже пылало. И проложило мне путь уже на Золя, на Флобера, на Диккенса, не говоря о русской литературе, это уж в первую голову.

Всё, о чём я сейчас рассказываю, фактически было самоучением, потому что в мои времена в школе русскую литературу преподавали следующим образом: Пушкин — это придворный поэт и камер-юнкер, но у него есть два хороших стихотворения — «Орион» («Нас было много на челне...») и «Деревня», потому что там «рабство точнее влачится по браздам неумолимого владельца», а остальное всё — буржуазная литература и ничего заслуживающего внимания. И сразу нам подносили к носу «Железный поток» Серафимовича, в котором я ничего не мог понять, потому что вся повесть состоит из сленга. Потом, говорят, он её перерабатывал, чтобы упростить. После Серафимовича мы «проходили» «Ташкент, город хлебный» Неверова; это простая вещь, доступная: мальчик едет за хлебом, чтобы накормить своих домашних и самого себя, всё-таки добрая книжка. А «Железный поток» надо бы как-нибудь достать и

перечесать, понять, что это такое, наверное, это всё-таки тоже литература. Хотя я, например, не понимаю Бурлюка, Кандинского, считаю, что это недоразумение и больше ничего, а другие полагают, что это нечто настоящее. Мое субъективное мнение, как видите, не совпадает с мнением знатоков...

Все свои пьесы я создавал исключительно по собственному желанию, ни одной никогда не написал по заказу, даже по чьей-нибудь просьбе, и поэтому не знаю, что это такое. Я мог работать только тогда, когда пьеса, как я говорил, влетала мне в голову помимо воли и сознания. Ситуация, которую Флобер определил так: что-то проносится перед глазами и на это «что-то» надо жадно накинуться. Это очень сложная взаимосвязанность.

Много лет я преподавал в Литературном институте, и до сих пор ещё иногда меня просят прийти и прочитать лекцию-другую, хотя я там уже не работаю, ушёл оттуда; так вот, преподавая в Литинституте, я говорил об этой сложной взаимосвязанности художника и художественного процесса, процесса создания произведения. Об этом надо бы написать хорошую книгу, хотя точные определения, характеристики на эту тему уже есть: то, что рождается помимо воли и сознания, как бы влетает в голову; спрашивают, что вы имели в виду, написав то-то и то-то? — да ничего я не имел в виду, мне понравилось это нечто, влетевшее помимо воли и сознания в мою голову, и я его записал.

Конечно, я не равняю себя с настоящими творцами, за недостатком таланта я позволяю себе где-то вплетать соединительные ткани, но если у меня есть что-то настоящее, я об этом знаю: вот, это настоящее, его нельзя придумать. Пьесу вообще нельзя придумать. То есть сочинить-то можно, сколько угодно можно сочинить, но это будет сочинение, неинтересная «головная» вещь, каких очень много. Их авторы могут писать по заказу, на заданную тему. У меня же всё — не сочиненное. Причём первые драматургические опыты относятся к Костроме, лет шестнадцати от роду я писал для ТРАМа — Театра рабочей молодёжи — маленькие пьески, которые мы потом разыгрывали. Позже, уже студентом, живя в Москве и участь в театральном училище, я прочёл «Обыкновенную историю» Гончарова, которая была не в фаворе. В фаворе были «Обломов» и «Обрыв», инсценированный и шедший на театре. Открыв для себя «Обыкновенную историю», я изумился: до чего же это про меня, провинциального юношу! Тут же сел и на обороте конторской книги, на её чистых листах написал инсценировку...

Классики, как известно, пишут на века, и в тот момент история эта точно попала «в яблочко». На-

писан роман был Гончаровым в 1847 году, инсценировал я его в 1937 году, а поставили это на театре, в «Современнике», в шестьдесят седьмом. Потом был снят телевизионный вариант спектакля, и уже массовый зритель смог оценить, как блестяще сыграли Михаил Козаков дядюшку и Олег Табаков племянника... Что я на основе романа сочинил пьесу, я этого не стесняюсь. Что было уж совершенным нонсенсом — мне, инсценировщику, дали за эту работу Государственную премию!

Классическая проза всегда питала меня — Гончаров, Достоевский...

Наша нация очень загадочна, вопрос о её природе всегда стоит очень остро, она слишком сложная, неприемлемая для многих так называемых цивилизованных стран, которые на самом деле не цивилизованны, а дики. Потому что их фетиш — деньги. У нас этого не было никогда, даже все пословицы это подтверждают: хоть мощна пуста, да душа чиста; не в деньгах счастье; бедность не порок. А на Западе считается, что порок, и нам сейчас прививают мысль — «обогащайтесь» и открыто говорят: тот, кто бедно живет, дурак, лентяй или пьяница, не умеет заработать в хорошее время хороших денег! Мол, самое время зашибить деньгу, грабить, присваивать любым путем. Любым!

У нас другой подход, русскому человеку важен достаток — если у него запасено в закромах на неурожайный год, он тут тебе и философствует, и молится, и выпивает, и пляшет. Ему важен достаток, ему не нужно больше. Спроси его: ты бы хотел ещё? Он ответит: так, понимаешь, у меня вроде всё есть, мне хватит... Вот это понятие меры, совершенно чуждое другим, нецивилизованным, с моей точки зрения, странам, и отличает нас от тех, кто поклоняется золотому тельцу, потому что наша нравственность, наш менталитет, как принято теперь выражаться, построен на том, что счастье не в деньгах.

То, что нас сейчас довольно успешно учат прагматизму, практицизму, — сознательное разложение нации. Идет оно целенаправленно, главным образом из-за океана, но работает и «пятая колонна», очень многочисленная, которая клюет русскую утробу изнутри, — я даже не подозревал, что это зашло так глубоко. И этому ничто не противостоит — ни государственная политика, ни общество, расколотое на группы и группировки, ни культура. Прежде всего имею в виду, конечно, литературу, впитавшую исторический опыт нашего народа. Её, видите ли, готовы упразднить, свести на нет, чтобы не мешала перемалывать юные души в направлении практицизма.

Те, кто занят переориентировкой нашей нации, понимают, что книги, как ничто, могут предостеречь мыслящих людей, молодое поколение, могут заклеймить зло, научить добру — примером может служить любая литература: наша, русская, французская и английская, немецкая и итальянская. Нет, на мой взгляд, только американской литературы, есть американские писатели по прописке, но все они, простите, вышли из стран Старого Света. Все народы Америки, исключая аборигенов, вышли из Европы, Англии, той же России; я ведь был в Америке, преподавал студентам, интересовался, что они знают о своей литературе — ничего. Знаете ли вы такого писателя Сэйлинджера, вашего, американского писателя, — спрашивал я. Нет, не знают. Целый месяц я читал лекции в Канзасском университете, потом ездил по всем университетам Восточного побережья. В Гарвардском я спросил: кого из советских писателей вы знаете? Молчание. Потом одинокий голос: «Чехова...» Я говорю: да, Чехов очень хороший писатель, близкий к советскому времени, но не советский. Но это их не интересует, литература не входит в круг их пристрастий. Библиотеки, правда, там хорошие, собирают их тщательно, я бы сказал, для порядка.

Книга существует на Земле несколько тысячелетий — берестяные грамоты, папирусы, пергаментные свитки, наборы Гутенберга, типография Ивана Федорова... Люди стремились запечатлеть и передать своим современникам и потомкам то, что считали жизненно важным и необходимым, то, что меня заставляло в свое время прыгать по комнате от восторга, когда я открывал для себя Достоевского. Писатели знают что-то такое, до чего не может додуматься обычный человек, они могут посредством слова выразить мысль, которая пронзает душу. Отделённый от меня несколькими веками или несколькими десятилетиями писатель говорит что-то такое моей душе, что без него сидело бы в ней неоткрытым, неузнанным. И это не только Достоевский, но и Пушкин, конечно, и Лермонтов, — как я его люблю! — и Гоголь, который от меня немножко дальше, таинственней, и очень близкий мне Грибоедов, и высоко ценимый мною Некрасов, из которого я много чего знаю наизусть. У Некрасова, который, вроде, менее поэтичен, чем Пушкин и Лермонтов, встречаются мысли, поистине драгоценные. Например, в «Арине, матери солдатской», когда в конце на вопрос:

Что сгубило сына милого,
Ты спросила ли детинушку? —

она отвечает:

Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную.
Грех мирянам-то показывать
Душу, Богу сокровенную.
Говорит, гневить Всевышнего —
Окаянных бесов радовать,
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,
Немота перед кончиною
Полагает христианину.
Знает Бог, какие тяготы
Сокрушили силу Ванину.

Прочёл я это, когда мне было лет восемнадцать, а помню всю жизнь. Вот как слово западает в душу...

Книги я стал собирать довольно рано, сейчас у меня чудная домашняя библиотека, хотя я не книжник-начётчик. Тысячи три томов наберется в моем городском кабинете и тысячи полторы-две на даче. Одно время я особенно увлекался собиранием книг, и приходил, бывало, такой милый старичок, Марк Израилевич, который приносил мне книги, подбирая их специально. Я плохо разбираюсь в этом деле, а он принесёт и говорит: «Виктор Сергеевич, купите вот эту, очень редкая книга!» И никогда не обманывал, честнейший был человек. Наверное, месяц, если не больше, жил у меня на даче, расставляя библиотеку по каталогу, и сам каталог составил.

Советскую литературу я собирал крайне избранно, потому что очень много хлама. Мировую литературу всю, какая только мне доставалась в руки. Наших классиков — с наслаждением. В одном ящике моего письменного стола лежит одно из первых изданий «Горя от ума» Грибоедова, «огрызки» от его пьесы, «ощипанной» цензурой, в издании и с предисловием Фаддея Булгарина, в кожаном переплёте. В другом ящике хранится медаль, отлитая к пушкинской дате, — двадцать или двадцать пять лет со дня его смерти. Официально эта медаль даже не зафиксирована. Так вот, на ней выгравированы строчки из его «Памятника» в такой редакции:

И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что прелестью стихов своих я был полезен
И милость к падшим призывал.

Литературы всегда боялись. Через двадцать или двадцать пять лет после смерти перефразировали Пушкина, потому что стихотворение было запрещено из-за: «И в мой жестокий век восславил я свободу!» И этот жестокий век ему отомстил. Когда я кому-то рассказал об этой медали, то услышал, что строфу эту, судя по всему, переделал Жуковский, чтобы стихотворение прошло...

Настоящая книга, кроме того, что она учит, ра-
дует, открывает человеку красоту мира, ещё ис-
целяет душу, а таким образом и тело. Потому что
всё духовное тесно связано с физическим. Клас-
сика, с которой я дружу всю жизнь, способна ув-
рачевать мои недуги. Когда я болею, всегда про-
шу домашних достать с полки книжку, которой на-
деюсь вылечиться. Начинаю, например, с
Бальзака — нет, не идёт. Тогда Гюго — не помога-
ет. Вольтера — не то. А вот с томиком Марка Тве-
на дело идет на поправку.

Во время Великой Отечественной войны це-
лый месяц я лежал в палате смертников в госпи-
тале после ранения. Врачи боролись за мою ногу,
чтобы не отсечь её выше колена, а потом, очевид-
но, я стал уже так плох, что главный врач произнес
сакраментальную фразу: «Отнесите его туда...»
«Туда» — это большая комната, всеми окнами вы-
ходящая на кирпичную стену соседнего дома или
забора, и, значит, туда вносят-уносят, вносят-
уносят... Крики, стоны, мольбы — в общем, ад. Я
лежал, загипсованный по грудь, и единственно о
чём попросил — дайте мне какую-нибудь книгу
почитать. Как сейчас помню, пристраиваю у себя
на груди, прислонив к гипсу, небольшой томик Го-
голя и читаю, читаю, читаю... И так целый месяц.
До того довёл врачей, что они велели: унесите его
в палату для выздоравливающих. Потому что я ни
одной минуты, ни одной секунды не думал, что
могу умереть. Теперь, уже задним числом, я по-
нял, как поразительно, что попросил я не что-ни-
будь, а книгу, в которой и горький опыт человече-
ства, и мудрость сомнений, и надежда...

Кроме того, у меня была опять же своя теория:
вот я загипсованный, нога разбитая, раздроблен-
ная, из неё всё время вытаскивают осколки, бо-
лит нестерпимо. А я веселый. Острию на всю пала-
ту. Подходит нянька или сестра, не помню, спра-
шивает: «Розов, что ты такой весёлый, ведь болит
же?» Я смеюсь: «Так это она болит, я-то тут при
чём?» Я очень хорошо знал: настоящая боль —
это когда болит душа. Душа у меня не болела, я
запоем читал, писал стихи, много стихов написал
тогда, теперь всё выбросил, хотя были, наверное,
среди них и хорошие.

С литературой неразрывно, вплотную связана
вся моя жизнь с того самого дня, когда я открыл
для себя магию слов. И если оправдаются слухи
об упразднении (хотя бы частичном) литературы в
школе, для меня лично это будет ударом. Допус-
каю, что можно вообще разделить все дисципли-
ны, как когда-то делили обучение на классичес-
кое и реальное. В классической гимназии были
латынь, греческий, литература, риторика и про-
чие гуманитарные предметы, в реальном учили-
ще — технические дисциплины; но всё это на-

прасно, жизнь показала, что и те, и другие учени-
ки в каком-то смысле получают неполноценное
образование, убогое. А уж тем более теперь. Мы
не знаем, кто на что отзовется, школа только про-
буждает склонности, она «щупает» все качества
юного человека: чему он сроден? Химия, физика,
естествознание, математика, языки, литерату-
ра... и у одного — ать! — вот этот пойдёт по лите-
ратурной стезе, у другого — ать! — а этот по ма-
тематической. Школа в каком-то смысле универ-
сальна, предлагая на выбор путь в жизни. И
лишить такого выбора будущих граждан своей
страны нелепо, преступно. Каждый обязан знать
минимум, хоть на миллиметр приближающий его
к гармонии, каждый обязан обладать хотя бы эле-
ментарными знаниями по всем предметам. Без
литературы школа это не школа, книга воспиты-
вает человека; будет ли он космонавтом, будет ли
он дворником, неважно, книга «вскармливает» в
нём доброе начало. Не потому ли раньше люди
были общительнее и добрее? Сейчас тоже нема-
ло добрых людей, не могу этого отрицать, но го-
раздо больше людей отчуждённых, и отчуждение
это увеличивается. Объясняю это испытанием
деньгами. Как нельзя более верно написано: «Са-
тана там правит бал». Да, люди гибнут за металл;
когда человек одержим идеей капитала, рубля,
доллара, ему неинтересно читать книги, ему хва-
тает того, что сейчас является неполноценным
заменителем, суррогатом: видео, порно, казино.
Может быть, одумаются со временем, спохватят-
ся — не знаю, предсказания — не моя сфера.

Всему этому вполне возможно подвести итог.
Идёт планомерное уничтожение русской духов-
ности, идёт с двух сторон — извне, из-за океана,
и изнутри, в недрах страны. Пишут отвратитель-
ные книги, ставят омерзительные спектакли, а на-
род читает и ходит в театры по старой памяти. Не
хочу называть имен и театров. И в то же время
мои несчастные «Её друзья», первая пьеса, соби-
рают битком набитый зал. Я продолжаю считать,
что пьеса слабая, но, видно, что-то в ней есть, ес-
ли она собирает полный зрительный зал, — она
обращена к людям, к их душе, в ней чувствуется
доброта. И фильмы по моим старым пьесам, как
ни странно, до сих пор пользуются успехом, гово-
ря языком телевидения, у них высокий рейтинг: у
«В добрый час!», «В поисках радости», «Летят жу-
равли», «С вечера до полудня», где потрясающе
играет Леонид Филатов. Фильм «С вечера до по-
лудня» недавно был показан по телевидению, хо-
тя я до последнего момента не был убеждён, что
не отменят: отношение-то ко мне сейчас слож-
ное, считают, что, с одной стороны, я «ельци-
нист», с другой, — симпатизирую непопулярному
движению, мои высказывания — замечу, откры-

тые, — всех повергают в шок. Когда я при всех заявил, что стою за социалистический строй, я не снискал благосклонности поклонников другого образа жизни, потому что их задача — разрушить этот строй, а я объявляю его наиболее прогрессивным и привожу неопровержимые аргументы при этом — социализм в Швеции, например. Однако Ельцин повесил мне на шею орден «За заслуги перед Отечеством» третьей степени, и он мне сказал: «Это очень хороший орден».

А самым красивым и почётным орденом меня наградила Патриарх всея Руси Алексей II — «За дела милосердия», в виде креста, эмаль, четыре рубина. Я даже надевал его один раз на приём. Вручён он был мне без всякой даты, действительно, как говорится, за дела милосердия. От души надеюсь, что оправдываю и в дальнейшем буду оправдывать эту награду делами милосердия».

ВОПРОСЫ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

1. На какие качества восприятия литературных произведений Виктора Розова в детстве вы обратили внимание? Как они отражают его индивидуальность?

2. Убеждают ли вас аргументы в пользу книги перед другими средствами массовой информации, высказанные Розовым? Какое отношение к этому имеет «магия слова»?

3. Увлечение в детстве произведениями Чарской — как он объясняет это?

4. Как началась его тяга к инсценированию прочитанных произведений, как она развивалась? Почему он предпочитал инсценировать классику?

5. «Дело пестрых» Адамова — в чем видел он ценность этой книги для юных читателей? Как от жанра детектива сам Розов перешел к книгам Уэллса, а позже к — Золя, Флобера, Диккенса? Чем поучителен этот путь его читательского развития?

6. В чем видел Розов отличие русского менталитета от западного? Как это сказалось на его чтении?

7. Благодаря чему, по мнению Розова, слово «западает в душу» читателя?

8. Библиотерапевтический эффект чтения: как он проявился в читательской биографии Розова? Типичен ли он?

Уважаемые наши читатели!
Те из вас, кто не подписался на книги Серии 1, а также на книги, выходявшие в 2005 году по отдельным индексам, могут заказать наши издания у следующих фирм:

■ ЗАО «Кнорус»

Отдел по работе с библиотеками учебных заведений осуществляет все виды комплектования: начальное, текущее, доукомплектование.

Тел./факс: (495)680-91-06,
680-7254

E-mail: postavka@knorus.ru,
rvi@knorus.ru

[Http://www.book.ru](http://www.book.ru)

■ ООО «ВАЛТ»

(доставка: Санкт-Петербург,
Ленинградская область,
Мурманская область,
Калининградская область)

Тел: (812) 702-61-03; 702-61-02

E-mail: info@valt.ru

www.valt.ru

■ ООО Фирма «Гранд»

В 2005 году на базе специализированного отдела комплектования библиотек открылся Межрегиональный библиотечный коллектор. На сегодняшний день в его ассортименте представлено около 30 000 наименований книг, выпущенных в свет 1000 издательств России и стран СНГ.

Тел./факс: (495) 721-38-56

E-mail: kiryakova@grand-fair.ru